

ФАКТОР СИЛЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Аннотация. Фактор силы является важным условием обеспечения конкурентоспособности ЕС как глобального игрока и стабильности европейского интеграционного образования. В статье проводится анализ трансформации силового фактора в политике Европейского союза со времени создания единого европейского проекта до настоящего момента, определяется роль фактора силы и ее аспектов («жесткой», «мягкой», нормативной силы) в современной внешней политике ЕС, рассматриваются основные инструменты реализации силового потенциала Союза как глобального политического и экономического актора. Авторами были использованы следующие методы: исторический метод, метод сравнительного анализа, дискурс-анализ, а также другие общенаучные методы исследования. Научная новизна исследования состоит в выявлении характера трансформации силового фактора во внешнеполитической стратегии Европейского союза, а также в определении роли фактора силы и ее аспектов («жесткой» и «мягкой» силы) в современной внешней политике ЕС. Исторический анализ этапов трансформации силового фактора в политике единой Европы показал, что основой внешней политики ЕС выступает «мягкая» сила, сущность которой отображает ценности и идеалы, являющиеся характерными для европейской социокультурной и политической жизни. Несмотря на то, что ключевым ресурсом авторитетности для ЕС является «мягкая» сила (ядром которой выступает культурно-цивилизационный код и нормативная сила), в стратегических внешнеполитических и геополитических вопросах ЕС активно использует инструменты «жесткой» силы, копируя внешнеполитический «габитус» национального государства.

Ключевые слова: мягкая сила, жесткая сила, нормативная сила, ЕС, Европейский союз, фактор силы, внешняя политика ЕС, умная сила, политический реализм, политический идеализм.

Abstract. The factor of power is an important prerequisite of the EU's competitiveness as a global actor and its stability. The authors analyze the power factor transformation in the EU's policy since the creation of the common European project till the present time; define the role of the factor of power and its aspects ("hard power", "soft power", "normative power") in the contemporary foreign policy of the EU; consider the main instruments of implementation of the power potential of the Union as a global political and economic actor. The authors apply the historical method, comparative analysis, discourse analysis and other general scientific research methods. The paper reveals the transformation character of the power factor in the foreign policy strategy of the EU and defines the role of the factor of power and its aspects ("hard" and "soft" power) in the contemporary foreign policy of the EU. The historical analysis of the stages of the power factor transforming in the common European policy shows that the EU's foreign policy is based on "soft power" reflecting the values and the ideals typical for the European sociocultural and political life. In spite of the fact that "soft power" is the key source of authority for the EU, based on the cultural and civilizational code and the normative power, in strategic and geopolitical issues the EU actively applies the instruments of "hard" power copying the foreign policy "habitus" of the national state.

Key words: soft power, hard power, normative power, EU, European Union, factor of power, foreign policy of the EU, smart power, political realism, political idealism.

Фактор силы является ключевым инструментом измерения степени влияния политического актора на мировой арене. При этом речь идет не только о военной, экономической или культурной силе, а об их балансе и умении актора умело сочетать «жесткую» и «мягкую» силу, превращая оба компонента в «умную» силу (smart power).

В современном мире не принято судить о мощи актора исключительно по параметрам, относящимся к «жесткой» силе. Разумеется, потенциал «жесткой» силы продолжает играть важную роль, однако наличие только «жесткой» силы не по-

зволяет современному актору стать полноценным глобальным центром власти. Для этого необходим еще один элемент – фактор привлекательности.

Многие современные национальные государства успешно используют свой силовой потенциал в «умном» (smart) формате, предусматривающем баланс «жесткой» и «мягкой» сил. Однако как обстоит дело с силовым фактором в случае с наднациональными организациями? Казалось бы, все просто: важность силового фактора определяется тем функционалом, который берет на себя организация. В случае с НАТО как военно-политическим блоком речь идет преимущественно о «жесткой»

силе, в случае с ООН – «мягкой». Как можно обозначить роль силы в случае с ЕС?

Данный вопрос вызывает определенный интерес, так как в отличие от ООН или НАТО Европейский союз претендует на роль не просто наднациональной организации, а на роль интегрированного сообщества, которое – по мере интенсификации интеграционных процессов – отдаленно напоминает федеративное образование. Если рассматривать ЕС как прототип мультинационального государства, то как можно оценить роль силового фактора в его внешней и внутренней политике?

Сегодня мы станем свидетелями консолидации внешнеполитической деятельности ЕС. Европа постепенно начинает говорить одним голосом. Разумеется, не всегда и не во всех вопросах. Однако предпринимаемые усилия (например, консолидация внешнеполитической деятельности стран-членов, создание поста Верховного представителя Союза по иностранным делам и политике безопасности, попытка ратификации Конституции) свидетельствуют о намерениях унифицировать действия европейских стран, входящих в состав Союза.

Фактор силы является важным условием обеспечения конкурентоспособности ЕС как глобального игрока и стабильности европейского проекта. В данной статье предпринята попытка проследить характер трансформации силового фактора со времени создания единого европейского проекта до настоящего момента и определить роль фактора силы и ее аспектов («жесткой» и «мягкой» силы) в современной внешней политике ЕС.

Реализм vs. идеализм в политике Европейского союза

Спор реализма и идеализма во многом предопределил развитие теории международных отношений в XX и XXI вв. По большому счету, даже сегодня нельзя говорить о том, что этот спор разрешен [1, 2], и консенсус между двумя противостоящими друг другу парадигмами понимания межгосударственных отношений найден.

Реализм в теории международных отношений предполагает, что силовой фактор является ключевым в межгосударственных отношениях, а стремление к наращиванию силы и влияния с ее помощью на других акторов на международной арене составляет основную цель внешней политики любого государства. Реалисты, как правило, активно используют такие термины как «сила» или «мощь» (англ. – power; термин крайне многозначен в контексте теории международных отношений [3]), «национальный интерес», «агрессия» и т.д. В качестве основного актора международных

отношений политические реалисты указывают на национальные государства, которые, несмотря на все транснациональные и мирополитические феномены, продолжают определять события на глобальном уровне.

Оппозицией политическому реализму в теории международных отношений является политический идеализм (в некоторых случаях отождествляется с политическим либерализмом). В качестве ключевых отличий либерального подхода к пониманию международной политики можно выделить следующие пункты. Во-первых, либералы-идеалисты верят в возможность обретения консенсуса и, как следствие, мира на международной арене путем различных договоров, международных институтов и т.д. Во-вторых, роль национального государства как актора международных отношений в либеральных концепциях, как правило, снижена, и важные функции международного регулирования возлагаются на неправительственные и межправительственные организации, транснациональные корпорации, международные режимы и т.д. Одним из ключевых терминов, который активно использовали представители либерального подхода в теории международных отношений в XX в., является «мягкая сила».

Джозеф Най определял «мягкую» силу как умение получить желаемый результат благодаря привлекательности, а не посредством принуждения или экономических санкций. Согласно Наю, «мягкая» сила проявляется в привлекательности культуры страны, ее политических идеалов, политического курса [4]. «Когда другие считают проводимую нашим государством политику легитимной, то тогда степень действенности «мягкой» силы увеличивается».

В этом определении важно выделить следующие компоненты:

- привлекательность культуры,
- привлекательность ценностей и идеалов,
- привлекательность реализуемого политического курса,
- легитимность политических действий.

Эти компоненты составляют основу «мягкой» силы политического актора. Можно без сомнений предположить, что ЕС как политический актор обладает мощными ресурсами «мягкой» силы, которая базируется на четырех вышеперечисленных компонентах. ЕС выступает как нормативный авторитет (легитимность), как культурный цивилизационный центр (привлекательность культуры), как защитник общепризнанных моральных и правовых норм (привлекательность ценностей и идеалов), как основатель мирного порядка на территории Европы, как посредник в разрешении конфликтов в мире, как надежный экономический

партнер и социально ответственный актор (привлекательность политического курса).

Само основание проекта единой Европы в середине прошлого столетия базировалось на идее отказа от средств «жесткой» силы в пользу средств «мягкой» силы, которые должны были впредь обеспечивать единство и бесконфликтное существование стран в Европе. Такими средствами стала общая экономическая политика, европейская культурно-цивилизационная база, общеевропейское коммуникативное пространство, попытка формирования европейской гражданственности.

Проект единой Европы создавался после Второй мировой войны, продемонстрировавшей всю деструктивность амбиций национального государства, не сдерживаемого внешними факторами. Единая Европа – это попытка предотвратить насилие на европейском континенте благодаря формированию экономической взаимозависимости и последующему усилению интеграции европейских стран.

Можно смело утверждать, что ЕС – это проект, созданный с помощью средств «мягкой» силы для реализации своей политики посредством той же «мягкой» силы. И сегодня «мягкая» сила – это один из основных ресурсов ЕС, которым Союз активно пользуется для решения внешнеполитических задач. De jure именно инструментарий «мягкой» силы является основой внешнеполитической деятельности. Однако de facto ЕС прибегает к использованию средств «жесткой» силы. В качестве примера можно привести случай с применением экономических санкций против России из-за Крымского вопроса. Кроме того, в последнее время ЕС как никогда активно работает над вопросом создания европейских вооруженных сил.

Наша гипотеза заключается в том, что современный Европейский союз использует инструменты «мягкой» силы для создания декоративного внешнеполитического курса, содержание которого логично соотносится с теми ценностями и идеалами, которые традиционно являются характерными для европейской социокультурной и политической жизни. В то же время, за этими декорациями стоит внешнеполитическая инициатива, построенная на принципах политического реализма, т.е. силового подхода к пониманию политики и межгосударственных отношений. В этом контексте нельзя не отметить, что с точки зрения политического реализма основным актором международных отношений является национальное государство, потенциал внешнеполитических возможностей которого ни в коей мере не снижается в контексте появления новых акторов мировой политики (НКО, НГО, ТНК и т.д.).

Из этого следует вторая часть нашей гипотезы, которая может быть сведена к тезису о том,

что Европейский союз, будучи наднациональным образованием, в определенных ситуациях ведет себя скорее как суверенное государство, которое использует «жесткую» силу, нежели как наднациональное образование, ориентирующееся на инструменты «мягкой силы» во внешней политике. Несмотря на то, что ключевым ресурсом авторитетности для ЕС продолжает оставаться именно «мягкая» сила (право, культура и прочие элементы), в стратегических внешнеполитических и геополитических вопросах (конкретные примеры – Украинский кризис, «крымский» вопрос с Россией) – в особенности тех, в которых ЕС сотрудничает с США и может полностью рассчитывать на их поддержку – ЕС активно использует инструменты «жесткой» силы, копируя внешнеполитический «габитус» национального государства. Этим и объясняется стремление по максимуму приблизить свою организационную структуру к устройству национального государства, а также консолидировать и унифицировать на общеевропейском уровне важнейшие аспекты внешней и оборонной политики, традиционно характерные для суверенного государства.

Попытка синтеза непримиримых подходов – реализма и идеализма – привела к тому, что концепция применения силового фактора во внешнеполитической стратегии ЕС претерпела трансформацию. Далее предлагается рассмотреть основные этапы эволюции роли силового фактора во внешней политике ЕС.

Этапы трансформации силового фактора во внешней политике ЕС

Этап 1

1951 – Точка «ноль» – перезагрузка европейской истории

Данный период можно обозначить как точку «ноль», которая ознаменовала тотальную перезагрузку европейской истории. На данном этапе происходит событие, положившее начало проекту единой Европы: в 1951 году учреждается первая наднациональная организация Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), в которую вошли Франция, ФРГ, Бельгия, Нидерланды, Люксембург и Италия. Основная цель ЕОУС – укрепить экономическое сотрудничество, чтобы предотвратить ситуацию, когда спор из-за ресурсов может послужить вызовом для начала новой войны.

В сущности, европейское объединение служило первоочередной цели – восстановить непоколебимый мир в Европе. Единая христианско-демократическая Европа должна была стать олицетворением мирного и единого континента,

не раздираемого войнами, а сотрудничающего внутри себя, совместными усилиями противостоящего внешним угрозам, основной из которых после Второй мировой войны был коммунизм. Разумеется, важной была и экономическая компонента. Однако именно идея политической стабилизации как первоочередного условия для экономического процветания европейских стран является своеобразным лейтмотивом действий политиков того времени.

Уже на данном этапе есть осознание необходимости общеевропейского объединения, которое положило бы конец распрям между европейскими государствами и стало бы основой «новой Европы» с единым рынком и высокими стандартами жизни европейских граждан.

Объединенная Европа создавалась, конечно же, на теоретических основаниях, заимствованных из идеалистических и либеральных концепций, главным элементом которых является непоколебимая вера в возможность построения мира и создания наднациональных политико-экономических объединений во имя общей цели. На данном этапе речь идет исключительно о «мягкой» силе, которая ложится в основу идеи единого европейского проекта.

Этап 2

1957 – 70-е годы – Переходный период

С момента подписания Римских договоров в 1957 году наступает некий «переходный период», для которого характерны постоянные попытки европейских политиков выйти за рамки чисто экономической интеграции. Об этом свидетельствуют многочисленные планы и договоры (например, план Р. Ж. Плевена, план Фуше), которые предусматривали создание европейской армии, а также консолидацию внешнеполитических усилий и последующее превращение Европы в единого актора.

План Плевена был положен в основу Парижского договора от 1952 года о формировании «Европейского оборонительного сообщества». Цель существования подобного сообщества – не допустить агрессии на европейском континенте, а также консолидировать европейские силы в случае агрессивных действий со стороны коммунистического лагеря.

Как и другие военные альянсы и организации, создававшиеся после Второй мировой войны, «Европейское оборонительное сообщество» имело превентивные функции. Диктат политических реалий заставлял европейцев думать о консолидации «жесткой» силы национальных государств. Однако по факту внешняя политика на данном этапе полностью фокусируется на инструментарии «мяг-

кой» силы – создании привлекательной идеи единой Европы, реализации этой идеи, формировании общеевропейского гражданства.

План Фуше (1961) был направлен на углубление политической интеграции с целью формирования союза, в котором часть задач решалась бы на межправительственном уровне без ущерба власти суверенных стран-членов. План провалился из-за разногласий стран-участниц. После плана Фуше последовало множество конференций с участием министров иностранных дел, результатом которых стало понимание необходимости консолидировать усилия членов сообщества в решении общеевропейских вопросов – экономических, экологических, социальных, культурных. 70-е годы не принесли конкретных решений, которые могли бы кодифицировать общеевропейскую внешнеполитическую деятельность. Однако европейцам стало ясно, что только лишь экономической интеграцией дело не ограничится.

Важно отметить, что идея создания интеграционного проекта в сфере безопасности и обороны появилась даже раньше, чем возникла потребность в создании экономического сообщества. Так, до начала процессов европейской экономической интеграции был запущен проект, просуществовавший с 1948 по 2011 год с целью обеспечения безопасности на европейском континенте и недопущения агрессии со стороны СССР. Речь идет о Западноевропейском союзе (ЗЕС), который стал первой попыткой в истории создать общие вооруженные силы Европы для обеспечения коллективной безопасности. Деятельность ЗЕС не была заметна, так как организация стала некоей тенью НАТО. Долгие годы ЗЕС просуществовал в латентном состоянии и был перезапущен только после подписания Маастрихтского договора в 1992 году.

Ключевым отличием данного этапа является резкое смещение теоретических оснований внешней политики Европы от либеральных к реалистским. Как можно видеть, европейским политикам потребовалось совсем немного времени для того, чтобы понять, что одной либеральной парадигмы недостаточно для существования в условиях биполярного противостояния времен «холодной» войны. Именно поэтому внешнеполитический курс, как и некоторые аспекты внутривосточной жизни, начинают приобретать характеристики, свойственные политическому реализму. Прежде всего, это использование жесткой силы, направленной не только вовне объединения – против коммунизма, но внутрь – блокирование внутренней агрессии и стремление выработать унифицированную внешнюю политику, т.е. пытаться позиционировать себя как (над)национальное государство.

Этап 3

**70-е гг – 1992 – расширение Сообществ.
Завершение переходного периода**

Несмотря на то, что 70-е годы часто называют неуспешными с точки зрения реализации планов по интеграции, именно в это время закладываются основные механизмы для углубления политической компоненты интеграционного конструкта.

Внешнеполитические события, приходящиеся на этот период, стали стимулом к сплочению европейцев: война во Вьетнаме, арабо-израильские войны, начало советской операции в Афганистане – все эти и многие другие явления позволили с новой силой осознать необходимость консолидации позиции европейских государств по многим внешнеполитическим вопросам. На данном этапе можно также отметить назревающее противоречие с США – давним союзником Европы и сторонником европейской интеграции. Противоречие носит экономический характер: для США экономически интегрированная Европа постепенно становится соперником. США требуют большего материального участия европейских стран в расходах на содержание НАТО.

В 1973 году Генри Киссинджер разработал инициативу под названием «Год Европы», целью которой было сплочение трансатлантического сообщества на высшем уровне. Иными словами, Киссинджер предлагал дать стимул развитию трансатлантического сотрудничества, подготовив новую Атлантическую хартию, которая выведет отношения участников трансатлантического союза на новый уровень. Предложение было сделано в неверный момент, так как чуть ранее состоялось расширение Сообщества с 6 до 9 членов, что означало формирование новой цепочки участников, принимающих решения от имени Сообщества. Некоторые эксперты полагают, что истинным намерением администрации Никсона было не расширение трансатлантического сотрудничества, а попытка недопущения усиления политической консолидации стран-членов ЕЭС.

Ответом стала Копенгагенская декларация о европейской идентичности (1973 г.), в которой подчеркивалось значение усиления интеграции европейских государств: у интегрированных девяти государств есть политическая воля для формирования единой Европы – Европейского союза, который станет результатом усилий, направленных на унификацию политических действий стран-участниц. При этом «создание единой Европы (United Europe) – процесс, открытый для других европейских государств, разделяющих сформулированные идеалы и ценности». В Декларации также отмечается, что в «настоящий момент нет альтер-

нативы той безопасности, которую обеспечивают ядерное оружие США и трансатлантические силы в Европе: в свете военной уязвимости Европы европейцы должны, если они хотят сохранить свою независимость, обеспечить наличие собственных адекватных средств безопасности» [5].

Копенгагенская декларация стала заявлением европейцев о важности формирования независимой политики. Разумеется, военная зависимость от США остается, однако Европа должна стать самостоятельным политическим игроком. При этом в Декларации подчеркивается, что «европейская унификация не направлена против кого-то, и она не вдохновлена желанием увеличить мощь». Цель европейского единства – построение мирного пространства в Европе, от существования которого государства-члены и их граждане получают определенные выгоды.

В Декларации о европейской идентичности также обозначены векторы внешнеполитической деятельности Сообщества. Особое внимание уделяется вопросам установления сотрудничества со странами Средиземноморья и Африки, сохранения исторической связи с Ближним Востоком, а также поддержка стабильности и стимулирование прогресса в регионе. Среди важных партнеров отмечаются Япония, Канада и, разумеется, США, с которыми члены Сообщества связаны общими культурно-историческими аспектами, а также общей политикой обеспечения безопасности. При этом «эти связи не вступают в конфликт с намерением девяти стран-членов сформировать оригинальный и уникальный союз».

Центральным документом данного этапа можно назвать отчет Этьенна Давиньона (Etienne Davignon) от 1970 года, ставшим основой для оформления механизмов Европейского политического сотрудничества (ЕПС, European Political Cooperation). Данный термин является синонимом внешней политики ЕС до 1993 года, когда по условиям Маастрихтского договора была выработана Общая внешняя политика и политика безопасности.

В 70-х годах состоялось множество конференций и встреч, во время которых европейские политики работали над вопросом европейской политической интеграции. Результатом этой работы стало принятие **Единого европейского акта 1986 г.**, ставшего первым документом, в котором были сформулированы основы общей внешней политики и принципы Европейского политического сотрудничества. Именно с этого момента можно говорить об оформлении внешней политики Европейского Сообщества.

В акте постулируются следующие намерения [6]:

- Необходимость продвижения к европейскому единству, координация действий государств.

- В договоре есть множество дополнений по углублению сотрудничества в экономической, социальной сфере (раздел V), в области исследований и технологического развития (раздел VI), в сфере охраны окружающей среды (раздел VII), а также – самое главное – в области внешней политики (раздел III).
- В области внешней политики устанавливается механизм консультаций, консолидаций национальной внешней политики с наднациональной, выработка общих внешнеполитических координат по отношению к третьим странам.

Третий этап, выделяемый нами в рамках данного исследования, демонстрирует попытку синтеза либерализма и реализма в политике объединенных европейских государств. С первым случае «мягкая» сила становится основой внутренней интеграции: новые интеграционные проекты, расширение масштабов сотрудничества, стремление к достижению общих выгод и целей во внешней политике. Во втором случае «жесткая» сила продолжает являться основой внешнеполитических решений, исходящих от объединенной Европы, показывая, что данный союз государств может позиционировать себя как единое целое и отстаивать наднациональные приоритеты. Разумеется, сохранение реалистской составляющей в политике европейских стран было связано с по-прежнему напряженной международной обстановкой и предвестиями того, что мир скоро изменится, а вместе с ним изменится и порядок, который в этом мире существовал.

Этап 4

Формирование ЕС и новый мировой порядок

В конце 80-х годов начинается этап перестройки не только ЕЭС, но и всего миропорядка. Окончание «холодной» войны, вызванное самоликвидацией одного из гегемонов биполярного мира, появление множества демократических государств, формирование новой системы международных отношений – все эти и многие другие факторы стали основанием для решительных действий европейских политиков в отношении европейского интеграционного проекта.

В 1990 году канцлер ФГР Гельмут Коль и президент Франции Франсуа Миттеран предложили завершить формирование валютного союза и основать политический союз, который будет гарантом демократии, мира и стабильности в Европе, а также станет основанием для реализации единой стратегии в сферах экономики, безопасности, внешней политики [7]. Стратегия Европы с «единым голосом» признается государствами как перспективная, доказательством чего служит подписание Маастрихтского договора и формирование

Европейского союза в 1992 году.

Маастрихтский договор подразумевал создание экономического и валютного союза, а также формирование политического союза, проводящего общую внешнюю политику и политику безопасности. Что касается единой внешней политики, то большое внимание уделяется аспекту «**мягкой**» **силы ЕС**, в особенности:

- распространению европейской культуры в третьих странах;
- продвижению экономических интересов Союза в третьих странах;
- повышение международной конкурентоспособности европейской промышленности;
- усилению политики сотрудничества с третьими странами в целях содействия развитию.

Что касается «жесткой» силы, то Маастрихтский договор предусматривает формирование в конечном счете общей оборонной политики, которая могла бы быть преобразована со временем в общую оборону. Однако важно понимать, что «жесткая» сила ЕС носит «мягкий» характер: она носит исключительно превентивный, а не наступательный характер.

Маастрихтский договор окончательно формирует контуры **общей внешней и оборонной политики ЕС** (CFSP – Common Foreign and Security Policy), направленной на сохранение фундаментальных ценностей и защиту интересов стран-членов Европейского союза, укрепление международного сотрудничества с третьими государствами, развитие демократии.

Если раньше общая оборонная политика была «бумажным тигром», то в Маастрихтском договоре четко сформулирована идея о необходимости формирования консолидированной оборонной политики стран ЕС. События 90-х годов проверили на прочность единство ЕС: Югославский кризис поставил под сомнения эффективность общей внешней политики и политики безопасности ЕС. Избранная стратегия ЕС заключалась в проведении постепенной политики признания независимости бывших членов Югославии. Однако, данная политика не привела к ожидаемым результатам, а, напротив, обеспечила кризис европейской стратегии миротворчества.

Югославский кризис помог выявить следующие основные тенденции:

- политическая неготовность и техническая неспособность к осуществлению военных акций;
- приоритет национального над общеевропейским при принятии решений об использовании силового фактора, а также «лоббирование собственных национальных интересов отдельных стран-участниц в рамках ЕС» [8];
- сильное влияние со стороны НАТО.

Четвертый из выделяемых нами этапов в международном позиционировании и формирования общего внешнеполитического курса европейских государств не может быть однозначно охарактеризован как либеральный или реалистский. Как говорилось выше, Маастрихтский договор предполагал масштабное расширение экономического взаимодействия и распространение европейских культурных ценностей, что, конечно же, является хрестоматийным признаком либерального подхода в теории международных отношений и указывает на использование инструментов «мягкой» силы во внешней политике. Нельзя не отметить, что в этом контексте главным отличием от предыдущего этапа (расширение сообществ) является то, что «мягкая» сила как инструмент применяется отныне не только в пределах наднационального образования, но и становится базисом общей внешней политики союза по отношению к внешнему миру. Вместе с тем, «жесткая» сила также остается одним из приоритетов в построении внешнеполитического курса, что подтверждается положением Маастрихтского договора о формировании общей внешней и оборонной политики, направленной на защиту национальных и наднациональных интересов участников объединения. Таким образом, мы можем заключить, что четвертый этап в эволюции общей внешней политики европейских государств, как и предшествующий, сочетает элементы реализма и либерализма.

Перед тем, как мы перейдем к анализу пятого этапа, стоит отметить, что в процессе своего формирования Европейский союз не сумел найти эффективный баланс между реализмом и либерализмом как подходами к пониманию международной политики, и именно это, на наш взгляд, и привело к смещению от «мягкой» и «жесткой» силы к силе нормативной.

Этап 5

Открытые альтернативы

Ключевой точкой политико-правового развития Европейского Союза в XXI веке принято считать Лиссабонский договор, вступивший в силу 1 декабря 2009 года. История создания, принятия и ратификации этого документа стала демонстрацией того, что Европа все же не готова к «безоговорочному» объединению, а на европейском геополитическом пространстве по-прежнему действуют центробежные тенденции и доминируют национальные интересы отдельных государств.

Как и любой другой документ подобного рода, Лиссабонский договор определял основные принципы существования объединения, разграничивал полномочия союза и стран-участниц,

особое внимание в тексте уделялось экономической и социальной интеграции. Большая часть внутренних политических и экономических вопросов, согласно тексту договора, оказались в области так называемой совместной компетенции. Иными словами, принятие решений по этим вопросам на уровне союза требует согласования с конкретными государствами, являющимися его членами. Тем не менее, договор указывает на то, что принципы координирования политики стран-участниц определяются союзом.

В контексте нашего исследования особое внимание уделяется оборонной политике: в Лиссабонском договоре, в отличие, например, от Маастрихтского, этот вопрос имеет особый статус. Оборонная политика Европейского союза, в частности, не является компетенцией Европейского суда, а страны-участницы связаны коллективной ответственностью в вопросах войны и мира. Тем не менее, Лиссабонский договор не отменяет положений Устава ООН и правовых норм, которыми связаны европейские государства – члены НАТО. Таким образом, вопросы внешней и оборонной политики Европейского союза в данном документе могут быть рассмотрены через призму теорий политического реализма. Оборона союза представляет собой особую «статью» внешнеполитического курса, которая предполагает специфические условия совместной деятельности акторов. Но, как и предыдущих случаях, главной проблемой такого внешнеполитического курса, да и существования союза вообще, является поиск баланса между национальными и наднациональными интересами. Как справедливо отмечают современные исследователи, «интеграция Европы – формализованная Маастрихтским или иными договорами – по-прежнему не исключает существование государственных интересов отдельных стран, которые, по понятным причинам, пока еще не являются полностью идентичными» [9].

Спустя непродолжительное время после принятия и ратификации Лиссабонского договора над объединенной Европой нависли новые угрозы, масштаб и сила которых увеличивались в геометрической прогрессии. Во-первых, это мировой финансовый кризис, который выявил экономические проблемы еврозоны, и с последствиями которого Европа пытается разобраться и по сей день. Во-вторых, это изменение архитектуры системы международных отношений, вызванное украинским кризисом, кризисом на Ближнем Востоке и трансформацией баланса сил между Россией и Соединенными Штатами. И, наконец, в-третьих, это активизация международного терроризма и миграционный кризис, который в настоящее время является ключевой проблемой для всего Европейского союза.

Схема 1. Трансформация роли силового фактора во внешней политике ЕС.

Авторы Хауер-Тюкаркина О. М., Сетов Н. Р.

Этап	Время	События	Характеристики	Сила	Теоретический подход
Точка ноль	1951	Холодная война, биполярный мир	«Перезагрузка» истории Европы, попытка установить мир	Мягкая	Идеализм
Переходный период	1957-70-ые	Холодная война, биполярный мир	Планы Фуше и Плевена, функционирование ЗЕС, зависимость от НАТО	Попытка использовать независимую жесткую силу	Реализм
Расширение сообществ	1970-ые – 1992	Война во Вьетнаме, ввод советских войск в Афганистан, начало противостояния ЕС и США	Формирование европейской идентичности и системы безопасности, поддержка развивающихся стран, выработка единого внешнеполитического курса	Мягкая сила для внутренней политики, жесткая сила – для внешней	Синтез либерализма и реализма
Формирование ЕС	1990-ые	Югославский кризис	Кризис европейской стратегии миротворчества, необходимость новой оборонной политики	Мягкая сила / жесткая сила	Синтез либерализма и реализма
Открытые альтернативы	2000 – наст. время	Мировой финансовый кризис, международный терроризм, украинский кризис, миграционный кризис	Угроза распада ЕС, кризис идентичности	Нормативная сила	Синтез либерализма и реализма

В этих сложных и невыгодных для европейских государств условиях Европейскому союзу приходится искать новые пути для построения как внешней, так и внутренней политики. На момент написания этой статьи точного вектора развития у объединенной Европы нет, именно поэтому последний этап и обозначен авторами как «открытые альтернативы». Как уже отмечалось выше, одной из таких альтернатив предстает нормативная сила, которая может быть использована Европейским союзом для решения насущных проблем.

ЕС: ставка на нормативную силу

Очевидно, что сегодня «мягкая» сила является доминирующим инструментом реализации политической власти на уровне ЕС. Однако есть позиция, согласно которой ЕС является актором, руководствующимся не «жесткой» или «мягкой», а **нормативной силой** [10, 11]. Таким образом, появляется некое третье измерение силы, которое можно рассматривать в качестве силового потенциала Союза.

Так, Е. Мухина отмечает, что «наряду с признанием ЕС в качестве «гражданской силы» (civilian power Europe), опирающейся на экономические, а не военные средства, широко обсуждается нормативная составляющая мощи Союза, активно продвигающего признанные универсальными нормы и ценности, такие как права человека, демократия, устойчивое развитие и др.» [12]. Концепция Европы как центра влияния сформировалась еще в 70-х годах, при этом в основе влияния должна была лежать не военная мощь, а нормативная сила, под которой следует понимать наличие у ЕС норматив-

ного авторитета, придающего Союзу статус центра влияния на международной арене.

Нормативную силу можно рассматривать как часть «мягкой» силы политического актора, ведь в ее основе лежит механизм обеспечения привлекательности и стимулирования желания подражать идеалам и нормам, транслируемым авторитетом.

Применение «жесткой» силы носит для ЕС не наступательный, а оборонительный характер. ЕС не стремится получить глобальное господство над всем миром и его ресурсами, у ЕС другие цели – обеспечить стабильность на европейском пространстве, а также повысить уровень благосостояния европейских граждан за счет успешной экономической политики. Иными словами, ЕС интересуется не властью ради власти, а властью, необходимая для практической реализации своих целей. И власть эта носит нормативный, экономический и культурный характер, а реализуется средствами «мягкой» силы. Привлечь, а не заставить, заинтересовать, а не принудить – вот стратегия внешнеполитической деятельности, которой руководствуется ЕС.

Если на внешнеполитическом уровне ЕС выступает как нормативная сила, то на внутреннем уровне ЕС выступает как арбитр и посредник, использующий исключительно средства «мягкой» силы. Роль посредника означают признание за ЕС морально-правового авторитета и статуса компетентного медиатора.

Единство:

- беспрецедентная степень экономической интеграции;
- единое экономическое пространство, единая валюта;

- усиливающаяся политическая интеграция;
- единое пространство без границ (передвижение, образование, работа);

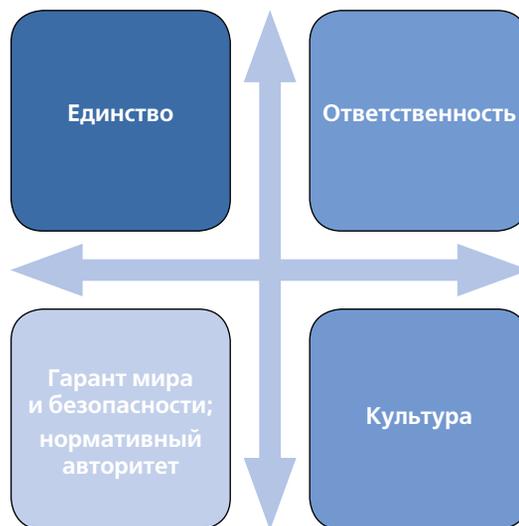
Ответственность:

- участие в решении глобальных проблем, которые одно государство решить не в состоянии;
- построение «Европы всеобщего благосостояния» с высоким уровнем жизни населения;
- экологическая ответственность;
- Гарант мира и безопасности в Европе:
- ЕС – под-система нового мирового порядка, основанного на сотрудничестве и открытости;
- ЕС – морально-правовой авторитет и посредник в урегулировании конфликтов;
- ЕС гарантирует мир на европейском пространстве;
- ЕС планирует создать общеевропейские войска для усиления военной мощи ЕС как глобального актора;
- ЕС – самый значимый интеграционный проект, созданный после Второй мировой войны, с помощью которого удалось восстановить мир в Европе;
- Культура:
- Европа – колыбель цивилизации;
- Высокая европейская культура как противовес американской массовой культуре потребления;
- Единая Европа – это синтез множества европейских культур, объединенных под единым знаменателем общеевропейских ценностей.

Несмотря на декларируемые намерения и явность приверженности ЕС максимам политического идеализма, встает вопрос о том, что внешние факторы зачастую требуют от ЕС укрепления собственной военной силы. В исследованиях на этот счет существуют два основных направления: некоторые авторы полагают, что отсутствие военной мощи ЕС – это ключевая предпосылка бессилия ЕС как глобального игрока (парадокс экономического гиганта и политического карлика). Другие авторы придерживаются мнения о том, что ЕС не ставит перед собой цель стать глобальным полюсом власти, и что милитаризация ЕС противоправна идее европейского интеграционного проекта.

Можно предположить, что правда находится по середине: действительно, ЕС в основном делает ставку на невоенные средства проведения политики. Это объясняется основными принципами ЕС, а также целями и задачами, которые перед собой ставит Союз во внешней политике. Однако существуют различные факторы внешней среды, включая такие, как международный терроризм, которые заставляют ЕС искать новые пути обеспечения своей безопасности. Иными словами,

Схема 2. Основы внешнеполитического позиционирования ЕС [13].
Автор Хауер-Тюкаркина О.

военная сила ЕС будет носить не наступательный, а оборонительный характер по отношению к внешнему миру. Внутри самого ЕС применение военной силы противоречило бы основной идее создания проекта единой Европы – Европы без войны, а также постулату о том, что демократии не воюют.

Как верно отмечает Е. Мухина, «ЕС стремится к альтернативному подходу в решении важнейших проблем международной безопасности...И поскольку устанавливать мир сложнее, чем вести войну, стратегически верный путь для ЕС – дальнейшая активизация усилий по предупреждению кризисов, а не усиление военной роли ЕС...» [12].

Заключение

Подводя итоги нашего краткого исследования, необходимо еще раз указать на основные этапы трансформации силового фактора во внешней политике Европейского союза, а также на те импликации, которые имели и имеют место быть в результате использования силы ЕС.

Проект объединенной Европы с самого начала был идеалистическим и базировался на вере в то, что государства, связанные геополитически и исторически, смогут договориться и выработать общий экономический, а затем и политический курс. Но история второй половины XX века быстро продемонстрировала, что достижение полной договоренности на основе общей воли национальных государств, подкрепляемой верой в либерализм и торжество международного права, невозможно, и потому теоретический базис идеализма во многом остался теорией.

Следствием этого стало то, что европейское объединение и его политика начала «дрейфовать» к другой крайности в теории международных отношений – политическому реализму, – делая ставку на «жесткую» силу в межгосударственном взаимодействии. Но, как и в предыдущем случае, «чистое» применение подхода не дало положительных результатов, и от него также пришлось отказаться.

Тем не менее, объединенные европейские государства не отказались от использования силы во внешней политике вообще, что и привело к трансформации силового фактора в политике Европы. Основное измерение данной трансформации было связано с постоянным поиском ответа на вопрос о том, какой должна быть сила, используемая во внешней политике объединения – «жесткой» или «мягкой», а также о том, каким образом их следует сочетать. В процессе нашего анализа мы показали, что в некоторых случаях (как, например, на третьем этапе) «жесткая» сила использовалась исключительно во внешней политике, а мягкая – во внутренней, в целях усиления интеграции.

Впоследствии Европейский союз сконцентрировал свое внимание в отношении силового фактора исключительно на внешней политике, пытаясь найти эффективный баланс между «жесткой» и «мягкой» силой, между реализмом и либерализмом. Как мы уже отмечали выше, этот баланс не найден до сих пор. Возможно, именно поэтому ЕС пытается найти третий путь, идея которого заключается в концепции нормативной силы, являющейся своего рода «умной» нормативной силой. Сущность нормативной силы сводится к сочета-

нию элементов «жесткой» и «мягкой» силы, но не столько с целью влияния на других акторов, сколько с претензией на специфику норм, которые формируют политико-экономическую уникальность Европейского союза. Именно поэтому на первый план в политическом позиционировании ЕС в настоящее время выходят не экономические или военно-политические максимы, а этические и культурные мотивы.

Любые исследования подобного рода принято завершать прогнозом, и наша статья не станет исключением их правил. Тенденция к использованию нормативной силы, вне всяких сомнений, имеет высокий потенциал эффективности для Европейского союза, в отличие от использования классических «жесткой» и «мягкой» силы. Нормативная сила могла бы стать гарантом внешнеполитических успехов для объединенной Европы, если бы международная ситуация в середине второго десятилетия XXI века была бы иной. Но, к сожалению, в настоящее время Европейский союз сталкивается с очень серьезными внутренними проблемами, которые не позволяют ему сконцентрировать свои усилия на внешнем фронте. Прежде всего, это миграционный кризис и террористические угрозы, которые не только смещают фокус внимания от пресловутой нормативной привлекательности, но и подрывают интеграционные связи внутри объединения. Представляется, что Европейскому союзу в целях недопущения дезинтеграции в определенных аспектах придется отказаться от нормативной силы в ее «мягком» измерении и, как минимум, на какое-то время совершить поворот в сторону классического силового подхода.

Библиография:

1. Griffiths M. Realism, Idealism and International Policy. A Reinterpretation. N.Y.: Routledge, 1992. P. 23.
2. Booth K., Cox M., Dunne T. The Eighty Years' Crisis: International Relations 1919 – 1999, Issue 1. Cambridge University Press, 1998. P. 34.
3. Morgenthau H. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1948. P. 45.
4. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics // Public Affairs, 2004. P. 11.
5. Declaration on European Identity (Copenhagen, 14 December 1973). Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32/publishable_en.pdf. Дата обращения: 12.12.15.
6. Единый европейский акт (Люксембург, 17 февраля 1986 года, Гаага, 28 февраля 1986 года). [Электронный источник]. Режим доступа: <http://russia.bestpravo.ru/fed1991/data02/tex13982.htm>. Дата обращения: 01.10.2015.
7. The Foreign Policy of the European Union. Assessing Europe's Role in the World/ Bindi F. Brookings Institution Press. Электронный ресурс. Режим доступа: http://hist.asu.ru/aes/FPEU_0815701403.pdf. Дата обращения: 01.10.2015. С. 26.
8. Глушко В.С. Политика Европейского союза в отношении Югославского кризиса 1991 – 1995 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Екатеринбург, 2002. С. 13. [Электронный источник]. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/politika-evropeyskogo-soyuza-v-otnoshenii-yugoslavskogo-krizisa-1991-1995-gg>. Дата обращения: 01.10.2015.
9. Махмудова З.У. Конфедерализм как концепция и практика: опыт Европейского Союза. М.: «Три квадрата», 2009. С. 62.
10. Manners I. Normative Power Europe: The International Role of EU // http://aei.pitt.edu/7263/1/002188_1.PDF, дата обращения: 19.12.2015.
11. Normative Power Europe in a Changing World: A Discussion // Netherlands Institute of International Relations, December 2009, [Electronic Resource], http://www.clingendael.nl/sites/default/files/20091200_cesp_paper_gerrits.pdf. Дата обращения: 19.12.2015.

12. Мухина Е. Нормативная сила Европейского союза // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 164 – 170. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2008_4/30.pdf. Дата обращения: 20.11.2015.
13. Хауер-Тюкаркина О. Современная имиджевая политика Европейского союза. М., 2015. С. 63.

References (transliterated):

1. Griffiths M. Realism, Idealism and International Policy. A Reinterpretation. N.Y.: Routledge, 1992. R. 23.
2. Booth K., Cox M., Dunne T. The Eighty Years' Crisis: International Relations 1919 – 1999, Issue 1. Cambridge University Press, 1998. R. 34.
3. Morgenthau H. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1948. R. 45.
4. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics // Public Affairs, 2004. R. 11.
5. Declaration on European Identity (Copenhagen, 14 December 1973). Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa: http://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32/publishable_en.pdf. Data obrashcheniya: 12.12.15.
6. Edinyi evropeiskii akt (Lyuksemburg, 17 fevralya 1986 goda, Gaaga, 28 fevralya 1986 goda). [Elektronnyi istochnik]. Rezhim dostupa: <http://russia.bestpravo.ru/fed1991/data02/tex13982.htm>. Data obrashcheniya: 01.10.2015.
7. The Foreign Policy of the European Union. Assessing Europe's Role in the World/ Bindi F. Brookings Institution Press. Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa: http://hist.asu.ru/aes/FPEU_0815701403.pdf. Data obrashcheniya: 01.10.2015. S. 26.
8. Glushko V.S. Politika Evropeiskogo soyuza v otnoshenii Yugoslavskogo krizisa 1991 – 1995 gg. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Ekaterinburg, 2002. S. 13. [Elektronnyi istochnik]. Rezhim dostupa: <http://cheloveknauka.com/politika-evropeyskogo-soyuza-v-otnoshenii-yugoslavskogo-krizisa-1991-1995-gg>. Data obrashcheniya: 01.10.2015.
9. Makhmudova Z.U. Konfederalizm kak kontseptsiya i praktika: opyt Evropeiskogo Soyuz. M.: «Tri kvadrata», 2009. S. 62.
10. Manners I. Normative Power Europe: The International Role of EU // http://aei.pitt.edu/7263/1/002188_1.PDF, data obrashcheniya: 19.12.2015.
11. Normative Power Europe in a Changing World: A Discussion // Netherlands Institute of International Relations, December 2009, [Electronic Resource], http://www.clingendael.nl/sites/default/files/20091200_cesp_paper_gerrits.pdf. Data obrashcheniya: 19.12.2015.
12. Mukhina E. Normativnaya sila Evropeiskogo soyuza // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2008. № 4. S. 164 – 170. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2008_4/30.pdf. Data obrashcheniya: 20.11.2015.
13. Khaue-Tyukarkina O. Sovremennaya imidzhevaya politika Evropeiskogo soyuza. M., 2015. S. 63.